

А. И. Боброва¹, Н. В. Торощина²

¹ *Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова
пр. Ленина, 75, Томск, 634050, Россия*

² *Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

a_bobrova@bk.ru

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИТЫМЬЯ В XV–XVIII ВЕКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ УРОЧИЩА БЕДЕРЕВСКИЙ БОР)*

Проблема половозрастной стратификации палеопопуляций Средневековья и Нового времени в Западно-Сибирском регионе разработана недостаточно, хотя интерес к гендерным исследованиям и социальной структуре традиционных обществ Западной Сибири отчетливо проявился во второй половине XX в. Он активизировался с появлением новых методов. Настоящая статья посвящена исследованию археологических и палеоантропологических источников по погребальному обряду селькупов. Материалы происходят из двух могильников XV – первой половины XVIII в. с урочища Бедеревский Бор на р. Тым (Каргасокский район Томской области). Памятники находятся на территории расселения нарымских (южных) селькупов. По современной классификации селькупов Притымья относят к тымскому диалекту центрального ареала, к диалектной группе «чумьлькуп». В работе отражены особенности обряда погребения взрослой и детской, женской и мужской частей палеопопуляции, выделенных на основе половозрастной и социокультурной идентичности. Основные различия в обряде погребения тымских селькупов XV–XVIII вв. проявляются на уровне возрастных групп: дети – взрослые. В зависимости от возраста отмечается вариабельность по размерам и типам конструкций, по инвентарю (на уровне количества и разнообразия украшений). Отмечено, что некоторым детям 1–5 лет были положены нож, наконечники стрел, копье, клинок пальмы, что позволяет соотнести такие погребения с детской мужской частью популяции и их особым социальным статусом. Различия в инвентаре между мужской и женской частями палеопопуляции обусловлены прижизненными гендерными различиями. Они проявляются в декорировании одежды, наличии головных и других видов украшений и несут на себе налет индивидуальных занятий конкретных лиц.

Ключевые слова: река Тым, Бедеревский Бор, селькупы, чумьлькуп, погребение, палеопопуляция, половозрастная идентификация.

Погребальная обрядность, представленная комплексом источников, позволяет по данным костных останков и сопутствующих инвентарных комплексов реконструировать процессы, связанные со стратификацией социума, включающей в себя группы и классы, в основе выделения которых лежат различия по полу и возрасту [Бутинов, 1982.

С. 63; Попов, 1982; Тишкин, Дашковский, 2003. С. 51–55]. Любая система возрастной стратификации подразделяет индивиды на группы (взрослую, детскую) и / или на жизненные периоды: младенчество, детство, подростковый, юношеский возраст, зрелость, старость [Краниологические коллекции..., 1979. С. 15], а также на мужскую и

* Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания на выполнение НИР (проект № 2059).

женскую часть палеопопуляции реконструируемой культуры. Эти группы находят отражение в погребальной символике, сохраняя основные статусные характеристики покойных в социальной структуре.

Археологические материалы XV – первой половины XVIII в., используемые в статье, являются результатом многолетних раскопок двух могильников в урочище Бедеревский Бор в Каргасокском районе Томской области на левом берегу р. Могильная Акка, справа впадающей в р. Тым (правый приток Оби). Они представляют собой полноценный источник для реконструкции этнокультурных процессов в регионе, объективно отражающий этапы формирования местного населения. Без них невозможно обращение к палеодемографии социума и социокультурной идентификации отдельных его групп. Исследования базируются на определениях пола и возраста, выполненных специалистами-антропологами, а также анализе состава инвентаря и особенностей погребальных сооружений, сопутствующих разным категориям населения. Недостаточная разработанность проблем половозрастной стратификации по погребальным комплексам XV – первой половины XVIII в. делает обращение к данной теме актуальным.

Цель исследования – выявить особенности обряда погребения, связанные с социокультурной идентификацией притымского населения в позднем Средневековье – Новом времени. Задачи исследования – дать характеристику источниковой базы, описать погребальный обряд населения, выявить половозрастные особенности конкретной палеопопуляции.

Могильники в урочище Бедеревский Бор находятся на северо-восточной окраине территории расселения нарымских селькупов, известных в дореволюционных источниках под именем «остяко-самоедов». Среди них исследователи выделяют северный, центральный и южный диалектные ареалы. Согласно данной классификации, селькупов Притымья относят к тымскому диалекту центрального ареала, к диалектной группе «чумылькуп» [Тучкова и др., 2011. С. 50, 52]. На их землях в XVII в. была образована Тымская (1 половина) инородческая волость, которая административно относилась к Сургутскому уезду. В конце 1701 г., после разделения ее на две части, население Притымья вошло в Нарымский уезд [Долгих, 1960.

С. 84–85]. Проживание предков селькупов на северо-востоке Нарымского Приобья подтверждается данными топонимики [Дульзон, 1950] и антропологическими материалами [Багашёв, 2002. С. 90–103].

Исследования в Притымье были начаты в конце 1930-х гг. П. И. Кутафьевым, который является не только первооткрывателем археологических древностей Севера Томской области, но и тем исследователем, кто впервые произвел раскопки на позднесредневековых могильниках, а также собрал этнографический материал, в том числе, по погребальному обряду тымских селькупов.

Им был открыт и частично исследован могильник Бедеревский Бор I, на котором, из четырех раскопанных впадин, две оказались могилами и содержали костные останки и инвентарь. П. И. Кутафьев определил относительную «давность» захоронений, сделав вывод о функционировании могильника на протяжении ряда поколений, обратил внимание на общность погребальных конструкций, характерных для «нарымских культур» в целом¹. Материалы с Бедеревского Бора I были опубликованы А. П. Дульзоном, который отнес их к XV–XVI вв.; Л. А. Чиндина на основании керамического комплекса датировала могильник первой четвертью II тыс. н. э.; хронология памятника в пределах XIV–XVII вв. позднее была уточнена А. И. Бобровой по результатам раскопок 17 могил [Дульзон, 1956, Т. 5. С. 233; Чиндина, 1977. С. 135–136]. Таким образом, всего на Бедеревском Бору I было вскрыто 19 могил. Общее количество индивидов в них составило 19, причем в одном случае останки не были обнаружены, в другом зафиксировано захоронение двух мужчин 40 и 18–20 лет. Антропологические определения сделаны для 15, среди которых 9 взрослых мужчин, 1 женщина, 2 юношей, 1 девушка и 2 ребенка в возрасте до 7 лет².

Могильник Бедеревский Бор II был обнаружен в 1974 г. Н. М. Зиняковым. Памятник находится в 0,2 км к северо-востоку от Бедеревского Бора I и расположен на более высокой террасе того же берега р. Могильная Акка. Н. М. Зиняков вскрыл одну моги-

¹ Архив МАЭС ТГУ. 1938. Д. 116–2. Л. 9–12.

² В группу детских включены погребенные, прижизненный возраст которых антропологически определяется от раннего детства до 22 лет, т. е. включая юношеский.

лу³. В 1989–1991 гг. работы продолжила А. И. Боброва. В итоге на памятнике вскрыта 51 могила XVI–XVIII вв. Пол и возраст установлены для 46 индивидов: среди них 28 взрослых (16 муж., 12 жен.), 18 детских, включая юношей и девушек (в двух могилах отмечены коллективные захоронения – взрослый и ребенок, взрослый и юноша). Две могилы, не содержавшие костных останков, по размерам конструкций условно отнесены к детским. Таким образом, в общей сложности на двух могильниках были получены данные из 70 могил, включая коллективные. Объединенная краниологическая серия содержит сведения по 61 индивиду: 38 – это взрослое население (25 муж., 13 жен.) и 23 – дети. В девяти случаях пол и возраст не определены.

По способу захоронения относительно уровня горизонта оба могильника относятся к грунтовым. В современном рельефе объекты различаются в виде овальных и подпрямоугольных впадин, образуя ряды вдоль кромки берега.

На Бедеревском Бору I взрослые и дети были похоронены на общем могильном поле, причем детей хоронили рядом со взрослыми в индивидуальных могилах. На Бедеревском Бору II на начальном этапе функционирования детей хоронили также, но на завершающем этапе для них в северной части могильного поля был отведен специальный участок. По внешним контурам впадин различаются могилы малых и больших размеров (от $1,1 \times 0,4$ до $3,3 \times 1,35$ м). Они отражают возрастные особенности и связаны с ростом похороненных лиц – максимальные размеры преобладали в погребениях мужчин. Малые размеры обычны для детских погребений в биологическом возрасте *Infantilis I* (от прорезывания зубов до 6–7 лет). На могильнике Бедеревский Бор II эта тенденция прослежена, как на захоронениях, совершенных по обряду повторных похорон, так и на тех, где анатомический порядок не был нарушен. Умерших хоронили в ямах глубиной от 0,2 до 1,5 м. Выявлена определенная зависимость глубины могильной ямы от возраста и пола индивида: максимальная отмечена при погребении взрослых мужчин, минимальная – детей.

На могильнике Бедеревский Бор I практиковалась ингумация: тело укладывали вы-

тянуто на спине, с руками, расположенными вдоль туловища, головой на юг (с отклонением к ЮЮЗ), вниз по течению р. Тым. Существовал обычай хоронить покойных ярусами, одного над другим, с использованием имеющейся могильной ямы, не нарушая целостности останков предыдущего погребенного. На могильнике Бедеревский Бор II практиковался обряд повторных похорон, но и ингумированные погребения с непо потревоженными останками в небольшом количестве присутствовали на общем могильном поле. Независимо от состояния останков, тех и других укладывали головой на юг, вниз по течению р. Тым, но с отклонением к ЮЮВ.

Захоронения носили преимущественно индивидуальный характер, и только в двух случаях на могильнике Бедеревский Бор II зафиксированы коллективные (по два человека), когда в общем погребальном сооружении были похоронены мужчина 18 лет и ребенок до года, а также женщина 50–60 и мальчик (?) 10–12 лет. В том же могильнике есть случаи подхоронивания в общую могильную яму с нарушением костей скелета предшествующего погребенного. Подзахоронение произведено при погребении женщин 50–60 и 25 лет; мужчин 30–40 и 50–60 лет; ребенка 8–10 и мужчины 30 лет. В одном случае, возможно, при повторном характере погребения, юноша 16–18 лет был подхоронен в могилу мужчины 50 лет. В одном из погребений могильника Бедеревский Бор I ребенок 3–5 лет был подхоронен к мужчине 40 лет.

На дне могил устанавливали домовину – погребальные конструкции из дерева и бересты. Различаются простые и сложные. Первые представляли собой ящики из плах или жердей, берестяные тиски. Обычно их использовали при погребении детей в возрасте *Infantilis I*. В сложных сооружениях, имевших внешнюю (сруб в два венца, рама-обкладка) и внутреннюю (долбленные колода и лодка, ящик из плах) камеры, хоронили взрослую часть палеопопуляции. Мужчин, как правило, укладывали в долбленных лодках и колодах, а женщин в бревенчатых рамах и редко – в половине лодки. Внутримогильные конструкции в группе детей *Infantilis II* по размерам и конструкциям приближаются к группе взрослых и представлены половиной лодки, долбленными колодами. Последние использовали также

³ Архив МАЭС ТГУ. Д. 644. Л. 1–4.

при единовременном погребении взрослого с ребенком. В обеих возрастных группах практиковались обертывание тела в берестяное полотно, застилание дна сооружения и перекрытия берестой.

В целом, материалы из могильников с урочища Бедеревский Бор позволяют проследить эволюцию обряда погребения. Традиционными для этого времени и почти не претерпевшими изменения можно считать следующие структурные элементы: пространственная организация некрополей (приуроченность к краю террасы малой реки); рядность в расположении могил; ориентация покойных головой на юг, вниз по течению р. Тым; использование общего могильного поля при погребении разновозрастных групп; общие типы внешних погребальных камер (бревенчатые рамы-обкладки); использование бересты; снабжение инвентарем; наличие предметов шаманской атрибутики; отсутствие христианских символов веры. Все эти признаки обряда были характерны для селькупского этноса XV–XVIII вв. Наряду с отмеченными общими чертами, наблюдаются и различия, объясняемые хронологией конкретных погребений. Так, к началу XVII в. на могильнике Бедеревский Бор II нашли отражение новые тенденции. Они проявляются в выделении специального места для захоронения детей. У взрослой части палеопопуляции – в повторном способе погребения; в появлении жердевых перекрытий над могилами и новых типов внутренних камер (лодок-долбленок); переориентации головы покойного с юго-западного на юго-восточное направление. По этим признакам обнаруживается близость с обрядом средневекового населения Сургутского Приобья, что, вероятно, отражает общность исторических судеб притымского населения, территориально входившего в Сургутский уезд до 1701 г.

Сопутствующий инвентарь, его специфика, количественный и качественный состав являются важными маркерами статусности погребенного и могут определяться существовавшими в средневековом обществе гендерными стереотипами. Появление в могилах XVII в., наряду с предметами вооружения, шаманского культа, статусных предметов массового русского привоза, можно рассматривать в контексте социальной идентичности их обладателей на фоне обычной картины в сопутствующем инвентаре основной массы погребенных.

Рассмотрим по возрастным характеристикам группы детской и взрослой частей палеопопуляции. Группа детей, биологический возраст которых определяется от раннего детства до 22 лет, характеризуется наибольшим разнообразием в обряде и инвентаре. Присутствие детских останков различных возрастных периодов позволяет провести исследования в области возрастной антропологии, что особенно важно при рассмотрении категорий разных стадий детского и подросткового периодов. Повидимому, вариабельность обряда отражала переход ребенка на очередную возрастную ступень.

Смертность детей в раннем возрастном периоде (в последние месяцы внутриутробного развития и первые десять дней после рождения) при антропологических определениях редко дифференцируется. Таких детей обычно относят к группе «новорожденные» или «ребенок до года». Подобных погребений в могильниках с урочища Бедеревский Бор не зафиксировано. Однако археологические материалы из других могильников Нарымского Приобья XV–XVIII вв. (Тискинский, Барклай, Мигалка) свидетельствуют о том, что традиция погребения матери с мертворожденным ребенком у предков нарымских селькупов существовала [Чиндина, 1995. С. 186]. С введением христианской похоронной обрядности детей последних месяцев внутриутробного развития и новорожденных полагалось хоронить на общих кладбищах, но в отдельных могилах⁴.

Особое отношение к этой категории социума подтверждается этнографическими данными. Селькупы (северные и нарымские) хоронили мертворожденных и детей, умерших до появления зубов, в дуплах деревьев или пнях, далеко от мест, посещаемых людьми: мальчиков – в стволах лиственницы, девочек – в стволах кедра. В 1971 г. такие захоронения у тазовских селькупов еще наблюдал И. Н. Гемуев [1980. С. 127, 133–135]. Ненцы и манси, заворачивая тело в кусок бересты, шкуру или ткань, поступали аналогичным способом. У северных манси для детей этого возраста существовали отдельные кладбища, но иногда их хоронили в стороне от обычного кладбища, а восточные ханты могли похоронить таких де-

⁴ ГАТО. 24. Д. 549. Л. 14 об. Л. 15 об.

тей на отдельном кладбище, а иногда в одной могиле с взрослыми [Хомич, 1988. С. 75; Федорова, 1988. С. 92–93; Кулемзин, 1976. С. 28]. Наличие или отсутствие зубов у детей служило у кетов дифференцирующим признаком двух разных способов погребения в случае смерти ребенка. Выкидыши и новорожденных младенцев помещали в пне срубленного дерева, с появлением зубов детей хоронили в земле, как и взрослых, поблизости от их могил [Алексеенко, 1988. С. 13–14]. Не исключено, что и селькупы Притымья до появления христианской обрядности хоронили детей, скончавшихся в раннем возрастном периоде, иначе, чем детей старшего возраста и взрослых.

Появление зубов у ребенка маркировало его переход в очередную возрастную группу (группа *Infantilis I*). С этого времени он считался полноправным членом коллектива, и в случае смерти его хоронили на общем кладбище. На могильнике Бедеревский Бор II таких погребений (от 0,5 до 1–3 лет), предположительно выделено четыре. Погребения детей в возрасте нейтрального детства (1–5 лет) и 5–7 лет из могильников с урочища Бедеревский Бор, из-за слабой дифференцированности, объединены в общую подгруппу, соотносящуюся с *Infantilis I*. Она представлена 14 (?) могилами, в которых наблюдается определенная зависимость инвентаря от возраста. Детей 1–2 лет хоронили с серьгами-подвесками с большим диаметром колец, литыми шаровидными подвесками и крестовидными накладками, стеклянными бусами. Комплект одежды и украшений трехлетних детей включал медные пронизи, 2-, 3-частные накладки. У детей 4–5 лет в инвентаре присутствовали штампованные 4-частные накладки и лунницы, железные застежки кольцевидной и восьмерковидной форм. В отдельных случаях с детьми 1–2 лет клали ножи, посуду (бронзовый котел), железные наконечники стрел. Эти погребения выделялись богатством украшений в виде арочных и колесовидных подвесок из цветных металлов, бус, бисера, что свидетельствует об их особом прижизненном социальном статусе.

К возрастной группе 8 – 13–17 лет (возраст второго детства и подростковый) на могильнике Бедеревский Бор II относятся 5 погребений. Погребальные конструкции приближаются по размерам к взрослым (от $1,8 \times 0,4$ до $2,3 \times 0,9$ м), превышая таковые у

детей *Infantilis I*. Внутренняя камера в виде половины долбленной лодки отмечена в двух случаях. В инвентаре присутствуют железные наконечники стрел, копьё, клинок пальмы. Набор украшений включает перстни-печатки, серьги-подвески «знак вопроса» обычных размеров, нарядные пояса, расшитые медными накладками, с подвесками различной формы. Для этой возрастной группы в двух погребениях могильника Бедеревский Бор II половая идентификация определена В. А. Дремовым и Г. А. Аксяновой. «Вероятно, девочка 7–9 лет» похоронена с набором железных наконечников стрел, «мальчик 10–12 лет» (могила 54) – с серьгами, наперстком, костяным гребнем, тканым поясом с подвесками и накладками. Набор предметов с этим ребенком по этнографическим данным символизирует женское начало (наперсток относится к атрибутам рукоделия), наконечники же стрел обычно маркируют мужские захоронения. Выявленное противоречие и очевидное несоответствие инвентаря в двух этих могилах, возможно, объясняется предположительным определением пола, объективно установить который в данном возрасте крайне сложно. Поэтому, вполне вероятно, что с женщиной 50–60 лет была похоронена девочка-подросток, а не мальчик, как определено по костным останкам. Дополнительным аргументом в пользу такого утверждения может служить наличие пояса, аналогичного женским поясам из могильника Мигалка [Чиндина, 1995. С. 183–187] и поясу селькупской шаманки из с. Канак с р. Тым.

В соответствии с традицией к 15–16 годам юноши и девушки в селькупском обществе получали основные производственные и хозяйственные навыки, усваивали основные нормы общественной и семейной жизни, необходимые для самостоятельной жизни. К 13–14 годам селькупская девочка обладала минимумом хозяйственных знаний и навыков и самостоятельно могла вести дом, а юноши с этого возраста могли вступать в брак [Гемюев, 1980. С. 107, 113–114]. Обряд захоронения подтверждает прижизненные установки и отношение к лицам этого возраста взрослого населения.

В юношеском возрасте (16–21–22 года) на обоих могильниках похоронено 8 чел.: четверо юношей и одна девушка (могильник II); двое юношей и одна девушка (могильник I). По погребальным конструкциям и инвента-

рю эта группа мало отличается от взрослой части палеопопуляции. По богатству и неординарности предметного комплекса выделяются лишь погребения двух мужчин юношеского возраста (Бедеревский Бор II). Один похоронен с предметами шаманского культа и в шаманском облачении, другой – в праздничной одежде с оружием. На том же могильнике одно из захоронений, в котором юноша был похоронен в общей могиле с женщиной 50 лет, было безынвентарным. Отмеченные различия в обряде погребения связаны с социальным статусом покойных, а преобладание смертности мужской части над женской объясняется вступлением юношей на новую социальную ступень, связанную как с производственной сферой, так и возможным участием в боевых действиях в XV–XVII вв.

Большую часть палеопопуляции составляет взрослое население от 22 до 60 лет. Мужская ее часть включает 25 лиц в возрасте от 20 до 30 лет (7 чел.), 30–40 лет (9 чел.), 40–50 лет (8 чел.), 50–60 лет (1 чел.). Из них на могильнике Бедеревский Бор I захоронено 9 чел., на Бедеревском Бору II – 16 чел. Погребальный обряд этой группы характеризуется наличием жердевых перекрытий над могильными ямами, разнообразием внутримогильных конструкций (лодки-долбенки, колоды, бревенчатые рамы-обкладки). Мужчин чаще, чем женщин, хоронили в лодках-долбенках. Соответственно, размеры их внешних камер имели большие размеры. Захоронения в долбленых колодах – также показатель принадлежности к мужским погребениям и, вероятно, связан с основным видом хозяйственной деятельности этой группы взрослого населения – рыболовством.

На могильнике Бедеревский Бор I, хронологически более раннем, практиковался обряд ингумации (положение в анатомическом порядке), на Бедеревском Бору II преобладал обряд повторных похорон. Инвентарный комплекс мужских захоронений довольно беден, за исключением отдельных статусных. Стандартный набор представлен бытовыми предметами (ножи) и орудиями охоты (железные и костяные наконечники стрел). Судя по остаткам фурнитуры (железные и бронзовые кольца, пряжки – поясные и для обуви), покойных хоронили в повседневной одежде, поскольку украшения (серьги-подвески «знак вопроса», подвески

«крыжовник», накладки) встречались довольно редко. Лица старческого возраста и близкие к рубежу 50–60-летнего возраста похоронены с минимальным количеством инвентаря. Специфические признаки обряда отмечены среди мужского населения в возрасте 22–25–50 лет. На могильнике I это череп медведя, оставленный на могиле, железные наконечники стрел, воткнутые в могилу. На могильнике Бедеревский Бор II – погребение в сопровождении собаки, с шаманскими подвесками «шекты», с антропоморфными личинами и куклой [Боброва, Торощина, 2013].

Женская часть популяции в возрасте от 20 до 60 лет представлена 13 могилами: на могильнике Бедеревский Бор I – 1 чел., на могильнике Бедеревский Бор II – 12 чел. Возраст определен для лиц от 20 до 30 лет (4 чел.), 30–40 лет (4 чел.), 50–60 лет (2 чел.). Треть могильных ям в погребениях женщин, как и у мужчин, была перекрыта жердевыми настилами. Внутримогильные конструкции в их группе отличаются большим разнообразием по сравнению с группой мужчин. Они представлены сооружениями в виде ящиков из плах, срубами в 1–2 венца, бревенчатыми рамами-обкладками трапециевидной формы, половиной долбленной лодки, нижней частью колоды. Стандартный набор инвентаря включал предметы быта и украшения. Практически в каждом погребении присутствовал нож и довольно редко, но встречались железные наконечники стрел. В женской группе различались украшения головы (головной убор, серьги), шейные и нагрудные (бусы, бисер), наручные (перстни, браслеты) и поясные (накладки, подвески). Судя по этим материалам, у селькупов р. Тым было принято хоронить женщин в праздничной, возможно, погребальной одежде.

Таким образом, основные различия в обряде погребения тымских селькупов XV–XVIII вв., прежде всего, зафиксированы на уровне возрастных групп: дети – взрослые. Анализ распределения материалов по возрастным категориям среди детской части палеопопуляции свидетельствует об отсутствии погребенных детей последних месяцев внутриутробного развития (результат выкидыша, смерти при родах) и смерти в первые 10 дней после рождения (новорожденные). В группе детских в зависимости от возраста отмечается вариативность по размерам и типам погребальных конструкций,

по глубине могил, по сопроводительному инвентарю. Отличия проявляются на уровне количества и разнообразия украшений. Кроме того, следует отметить, что некоторым детям в возрасте 1–5 лет, как и взрослым, могли положить нож, железные наконечники стрел, копий, клинок пальмы. Подобные находки позволяют соотнести такие погребения с детской мужской частью популяции и особым социальным статусом этих детей. Различия в инвентаре между мужской и женской частями палеопопуляции обусловлены прижизненными гендерными различиями и наиболее ярко проявляются в декорировании одежды, наличии головных, наручных, поясных украшений. Они также нашли отражение в погребальной обрядности и несут на себе налет индивидуальных занятий конкретных лиц, как мужской, так и женской части популяции.

Список литературы

Алексеев Е. А. Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 9–37.

Багашёв А. Н. Генезис южных самодийцев по данным антропологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. С. 90–103.

Боброва А. И., Торощина Н. В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор II // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 18–21.

Бутинов Н. А. Половозрастная организация // СЭ. 1982. № 1. С. 63–68.

Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 86–138.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 624 с.

Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Учен. зап. ТГПИ. Томск, 1950. Т. 6. С. 175–187.

Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.

Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 118 с.

Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX в.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. 189 с.

Попов В. А. Половая стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности. (Вместо ответа оппонентам) // СЭ. С. 68–79.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 51–55.

Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю. и др. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. 318 с.

Федорова Е. Г. Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 80–95.

Хомич Л. В. Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 63–79.

Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 193 с.

Чиндина Л. А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995.

Список источников

Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Зиняков Н. М. Дневник разведки на р. Тым, 1974 г. Д. 644. Л. 1–31.

Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Кутафьев П. И. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 г. Т. 4. Д. 116–2. Л. 1–42.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 549. Л. 14 об. – 15 об.

A. I. Bobrova¹, N. V. Toroshchina²

¹ *M. B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore
75 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

² *Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

a_bobrova@bk.ru

**GENDER AND AGE BURIAL RITE SPECIFICS OF THE POPULATION
OF TYM RIVER IN XV–XVII CENTURIES (BURIAL GROUNDS
OF THE HOLE BEDEREVSKY BOR)**

Purpose: Stratification by gender and age of the paleopopulation of the Middle Ages and New Period is insufficiently studied in Western Siberia region. The study of gender specifics and social structure of traditional societies started in the 2nd half of the 20th century. The research was based on separate burial grounds and culture of Western Siberia. Some particular aspects of this problem had been studied earlier. New methods and approaches had aroused more interest to the research.

Results: The article considers complex study of archaeological and paleoanthropological data on burial rites of the Selkup ancestors. The Selkup are one of the small aboriginal peoples of Western Siberia. The data were collected during the excavations of two burial grounds situated in the hole Bederevsky Bor in the river Tym, Kargasok district, Tomsk oblast. The burial grounds were dated to the XV–1st half of XVIII century. The objects are situated on the north-eastern area occupied by the population of the Narym (Southern) Selkup, also known as Ost-yako-Samoyeds (Samoyed is a man eating himself). The researchers distinguish northern, central and southern dialect areas among them. According to the present classification the Selkup of Tym river are referred to the Tym dialect of central group, Chumyl'kup dialects. In the XVII century (1st half) there were found the Tym volost of Tomsk province. Administratively this territory belonged to the Surgut uezd. At the end of 1701 the volost was divided into two parts, and the population in the Tym river became a part of the Narym uezd. The fact that the Selkup ancestors populated the north-east of the Narym Ob is evidenced by toponymy data and anthropological materials. The article describes the specifics of burial rite separate groups of individuals distinguished on the basis of gender and age and social and cultural identity: adults and children, female and male.

Conclusion: First of all, the main differences in the burial rite of the Tym Selkup of the XV–XVIII centuries are revealed in age category: children – adults. The analysis of found materials and classification of them according to the age categories of a children group of paleopopulation evidence that there were no buried children of last months of prenatal development (miscarriages, death during the delivery) as well as of the first 10 days after birth (the newborn). In the children group there is a range of burial constructions and accompanying objects depending on the age. The differences are observed among the quantity and variety of accessories. It should be noted that some children from 1 to 5 years old, as well as the adults, could be buried with a knife, iron arrowheads and spearheads, «palma» blade (close combat weapon for cutting and sabbing). Such finds enable to establish the fact that the bodies belong to the male part of the population, and they also show the social status of the children. The differences of objects between male and female parts of the paleopopulation are determined by gender difference, and are mostly observed in clothes decoration, presence of head gear, wrist and waist accessories. The differences are also reflected in burial rites, and they also give a hint of individuals' occupations of either male or female parts of the population.

Keywords: Tym River, Bederevsky Bor, Selkups, chumylkup, burial, paleopopulation, sex and age identification.

References

Alekseenko E. A. Rebenok i detstvo v kul'ture ketov [Child and childhood in the culture of the Kets]. *Traditsionnoe vospitanie detei u narodov Sibiri* [Traditional parenting among the peoples of Siberia], Leningrad, Nauka Publ., 1988, p. 9–37. (in Russ.)

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [MAES of TSU]. Zinyakov N. M. Dnevnik razvedki na r. Tym [Records of exploration in the Tym river], 1974. F. 644, sh. 1–31. (in Russ.)

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [MAES of TSU]. Kutaf'ev P. I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Narymskomu okragu za 1938 g. [The report on archaeological investigations in the Narym okrug made in 1938]. F. 116–2, vol. 4, sh. 1–42. (in Russ.)

Bagashev A. N. Genezis yuzhnykh samodiitsev po dannym antropologii [Genesis of the southern Samoyeds based on the anthropology data]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii i etnografii* [Interdisciplinary research in archaeology and ethnography], TSU Publ., 2002, p. 90–103. (in Russ.)

Bobrova A. I., Toroshchina N. V. Antropomorfnye lichiny iz mogil'nika Bederevskii Bor II [Anthropomorphic guises from the burial ground of Bederevsky bor forest II]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta: Istoriya*. [TSU bulletin: History], 2013, vol. 2 (22), p. 18–21. (in Russ.)

Butinov N. A. Polovozrastnaya organizatsiya [Age and sex structure]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1982, no. 1, p. 63–68. (in Russ.)

Gemuev I. N. K istorii sem'i i semeinoi obryadnosti sel'kupov. *Etnografiya Severnoi Azii* [To the history of a family and family's rites of the Selkup]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, p. 86–138. (in Russ.)

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk obsat]. F. 527, r. 1, 549. sh. rr. 14–15. (in Russ.)

Dolgikh B. O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke [Family and tribal system of the Siberian peoples in XVII c.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, 624 p. (in Russ.)

Dulzon A. P. Drevnie smeny narodov na territorii Tomskoi oblasti po dannym toponimiki [Change of the peoples in Tomsk oblast in ancient times based on the toponymy data]. *Uchenye zapiski Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta* [Proceeding of Tomsk State Pedagogical Institution]. Tomsk, 1950, vol. 6, p. 175–187. (in Russ.)

Dulzon A. P. Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoi oblasti [Archeological sites of Tomsk oblast]. *Trudy TOKM* [Proceedings of Tomsk Museum of Local Lore], Tomsk, 1956, vol. 5, p. 89–316. (in Russ.)

Kraniologicheskie kollektsii Kabineta antropologii Tomskogo universiteta [Craniological collections of the Cabinet of Anthropology of TSU]. Tomsk, TSU Publ., 1979, 118 p. (in Russ.)

Kulemzin V. M. Shamanstvo vasyugansko-vakhovskikh khantov (Konets XIX – nachalo XX v.) [Shamanism of the Vakh-Vasyugan Khanty (the end of the XIX-the beginning of the XX c.)]. *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism]. Tomsk, TSU Publ., 1976. 189 p. (in Russ.)

Popov V. A. Polovaya stratifikatsiya v etnosotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh pervobytnosti. (Vmesto otveta opponentam) [Gender stratification in ethnic and sociological restoration of primitive state (As a response to the opponents)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1982, no. 1, p. 68–79. (in Russ.)

Tishkin A. A., Dashkovskii P. K. Vozmozhnosti provedeniya paleosotsial'nykh issledovaniy na osnove arkheologicheskikh dannykh [The opportunities for paleo-social research based on the archaeological data]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri* [The archaeology of Southern Siberia], Novosibirsk, 2003, p. 51–55. (in Russ.)

Tuchkova N. A., Glushkov S. V., Kosheleva E. Yu., Golovnev A. V., Baydak A. V., Maksimova N. P. Sel'kupy. Ocherki traditsionnoi kul'tury i sel'kupskogo yazyka [The Selkup. Essays on traditional culture and the selkup language]. TSU Publ., 2011, 318 p. (in Russ.)

Fedorova E. G. Rebenok v traditsionnoi mansiyskoi sem'e [A child in the traditional Mansi family]. *Traditsionnoe vospitanie detei u narodov Sibiri* [Traditional parenting among the peoples of Siberia], Leningrad, Nauka Publ., 1988. p. 80–95. (in Russ.)

Khomich L. V., Obychai i obryady, svyazannye s det'mi, u nentsev [The Nenets customs and rites concerning children]. *Traditsionnoe vospitanie detei u narodov Sibiri* [Traditional parenting among the peoples of Siberia], Leningrad, Nauka Publ., 1988, p. 63–79. (in Russ.)

Chikisheva T. A. K voprosu o formirovanii antropologicheskogo sostava naseleniya Zapadnoi Sibiri v epokhu pozdnei bronzy (interpretatsiya paleoantropologicheskogo materiala iz mogil'nika Saryi Sad v Tsentral'noi Barabe) [To the problem of formation of anthropological population structure of Western Siberia in the Late Bronze Age (the interpretation of the archaeological material found in the burial ground Saryi Sad in Central Baraba)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, no. 2 (2), p. 131–147. (in Russ.)

Chindina L. A. Mogil'nik Relka na Srednei Obi [Burial ground Relka in the middle Ob]. Tomsk, TSU Publ., 1977, 193 p. (in Russ.)

Chindina L. A. O ritual'noi odezhde sel'kupskoi zhenshchiny XVII veka [Ritual clothes of the Selkup woman in the XVII century]. *Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroi mne ne zhit'* [My chosen one is the science i can not live without], Barnaul, ASU Publ., 1995, p. 179–187. (in Russ.)